

ДИСКУССИИ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Д. Ангелов

В течение последних нескольких лет ученые-византинисты как Советского Союза, так и стран народной демократии рассмотрели ряд важных вопросов социально-экономического развития Византийской империи, начиная с древнего периода ее истории (IV—VI вв.) и кончая временем, когда она подпала под турецкое иго (XV в.). В исследование этих вопросов самый большой вклад внесли советские историки, которые привлекли для своих изысканий малоиспользованные или совсем новые материалы и интерпретировали их на основе марксистско-ленинского метода. В ряде статей, появившихся главным образом в «Византийском временнике» и журнале «Вестник древней истории», а также в монографиях были выяснены отдельные важные моменты разложения рабовладельческих отношений в ранней Византии. Серьезное внимание было уделено исследованию истории зарождения феодальных отношений и постепенного становления феодального базиса. В связи с этим подверглись переоценке достигнутые к тому времени результаты исследования «Земледельческого закона», законодательства македонских императоров X в. и других исторических памятников. На первый план были поставлены проблемы характера византийского города, о котором историки знали очень мало. обстоятельному исследованию были подвергнуты особенности поздневизантийского феодализма (XIII—XV вв.). При этом было обращено особое внимание и на изучение некоторых элементов, свидетельствующих о его разложении.

Результаты, достигнутые в изучении социально-экономической истории Византии, значительны. Ряд вопросов уже сравнительно полно освещен, и это сделано на необходимой документальной базе. Однако отдельные проблемы все еще недостаточно разработаны, и по ним следовало бы провести более глубокие исследования. На последнее обстоятельство указывается в статьях З. В. Удальцовой и А. П. Каждана «Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии»¹ и М. Я. Сюзюмова «Некоторые проблемы истории Византии»².

Одной из наиболее важных проблем, которая еще мало исследована, несомненно, является проблема разложения рабовладельческих отношений в ранней Византии (IV—VI вв.). По этой проблеме в советской исторической науке велась продолжительная дискуссия³. Основной момент, который при этом оживленно обсуждался и все еще не решен пол-

¹ З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. «Вопросы истории», 1958, № 10.

² М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии. «Вопросы истории», 1959, № 3.

³ Дискуссия была открыта статьей Е. М. Штаерман «Проблема падения рабовладельческого строя» («Вестник древней истории» («ВДИ»), 1953, № 2), и в ней приняли участие А. П. Каждан, А. Р. Корсунский, А. Г. Гемп, С. И. Ковалев, Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов. Результаты дискуссии были обобщены в редакционной статье в «ВДИ» (1956, № 1, стр. 3—14) под заглавием «Проблема падения рабовладельческого строя (к итогам дискуссии)».

ностью, следующий: выявить то новое, что проявлялось в рассматриваемый период в недрах разлагавшегося рабовладельческого строя в Восточной Римской империи. По мнению одних участников дискуссии, как указывают З. В. Удальцова и А. П. Каждан, в IV—VI вв. рабовладельческие формы эксплуатации в результате совершившихся общественных изменений были заменены раннефеодальными. Они полагают, что восточноримский колонат был образцом эксплуатации феодального характера, а крупная собственность в то время являлась феодальной⁴.

Напротив, другие авторы считают, что о наличии феодальных отношений в IV—VI вв. не может быть и речи, ибо ни раба, который владел пекулием, ни колона они не могут рассматривать как производителей в феодальном смысле слова, и что крупная земельная собственность в этот период не была, по существу, феодальной⁵.

Чтобы решить поставленный вопрос с наибольшей полнотой, необходимо, очевидно, иметь в виду одно важное обстоятельство, а именно, что разложение рабовладельческих отношений в Восточной Римской империи (или ранней Византии) совершалось при наличии не только одного класса рабов, но и значительного числа свободных крестьян, рассеянных в различных концах страны (в Египте, Сирии, Малой Азии, в балканских землях) и организованных в свои общины (митрокомии)⁶. В IV—VI вв. были налицо, так сказать, два уклада в социальной структуре империи, которые существовали параллельно и в известной степени независимо один от другого. С экономической и социально-правовой точки зрения первый уклад характеризовался своими чисто рабовладельческими формами (крупные хозяйства с полной собственностью господина на средства производства и на непосредственного производителя (раба), который считался вещью (*res*)⁷. Напротив, для второго уклада было свойственно господство мелкого единоличного хозяйства, причем производитель (свободный крестьянин) был одновременно и собственником земли⁸. Это были, как я полагаю, два противоположных уклада и с точки зрения отличавших их экономических форм и с точки зрения юридического положения непосредственного производителя.

⁴ З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 82; Е. Э. Липшиц. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. «ВДИ», 1955, № 4, ее же. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. «Византийский временник», XIII, 1958, стр. 49.

⁵ Ср. М. Я. Сюзюмов. К вопросу о феодализации Римской империи. «ВДИ», 1955, № 1, стр. 54 и сл.

⁶ О свободных крестьянах и сельских общинах ср. особенно статью М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи. «Византийский сборник». М.-Л. 1945, стр. 28 и сл. См. также А. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М. 1917, стр. 176 и сл.; Е. М. Штаерман. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае. «ВДИ», 1946, № 3; Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. М. 1940, стр. 37 и сл.; А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. «ВДИ», 1953, № 3, стр. 89 и сл.; В. Велков. Селото и градът в Тракия и Дакия през IV—VI вв. от н. е. «Исторически преглед», 1955, № 4, стр. 37 и сл.

⁷ О положении рабов в позднеримской империи ср. А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в Западных провинциях Римской империи в IV—V вв. «ВДИ», 1954, № 2, стр. 48 и сл.; М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии. «Ученые записки» Свердловского государственного педагогического института. 1955, стр. 165 и сл.; е го же. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. «ВДИ», 1955, № 4, стр. 54 и сл.

⁸ На свои собственность (*dominium*) и владение (*possessio*) крестьяне имели полную власть с точки зрения господствовавшего права. Ср., например, новеллу императоров Льва I и Анфимия (468 г.) (*Cod. Just.*, XI, 56/55), где говорится, что жителям митрокомии не позволялось передавать собственность и владение на свои земли в пользу чужих лиц (*tergarum suarum dominium possessionemque transferre*). В одном распоряжении (*Cod. Theod.*, II, 24) свободные крестьяне названы *agricolae vel vicani propria possidentes*.

При наличии названных двух укладов в Восточной Римской империи в период разложения рабовладельческих отношений (IV—VI вв.) совершался фактически не один, а два процесса, имевших собственное экономическое и социально-правовое содержание. На этот факт следовало бы обратить наибольшее внимание. Первый процесс сводился к тому, что часть рабов с течением времени получала все большую экономическую самостоятельность. Им, как известно, раздавались участки земли в форме пекулия (*peculium*), и таким образом они превращались в мелких земледельцев, обладая известной хозяйственной независимостью и инициативой⁹. Этот процесс, как справедливо замечает М. Я. Сюзюмов, был результатом действия закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил¹⁰. Ввиду значительного повышения уровня производительных сил, который наблюдался в ту эпоху¹¹, рабовладельцам нужно было превратить рабов, полностью лишенных средств производства, в более активных работников, создав им условия для самостоятельной и до известной степени выгодной и для них хозяйственной деятельности.

В те времена основная тенденция состояла в том, чтобы путем раздачи пекулиев создавать мелкие самостоятельные хозяйства, которые при общем кризисе рабовладельческого строя являлись более жизнеспособной и отвечающей интересам рабовладельцев формой эксплуатации. Но с юридической точки зрения превращение рабов в мелких земледельческих хозяев не изменяло их положения. Раб, наделенный пекулием, все еще оставался рабом. Он, по-видимому, получал одну часть продукта своего труда, но большую долю добытого должен был отдавать господину в форме аренды¹². Земля же, предоставленная ему для обработки, оставалась собственностью господина, который мог отнять или уменьшить пожалованный участок, когда пожелает¹³. Следовательно, практика раздачи пекулиев, обусловленная экономическими соображениями и сильно распространенная в IV—VI вв., не создавала новых форм собственности, а отсюда и новых производственных отношений. Она держала в себе действительно известные тенденции феодального способа производства постольку, поскольку способствовала выдвиганию на первый план мелкого хозяйства, в котором непосредственный производитель был связан со средствами производства. Мне представляется преувеличенным стремление М. Я. Сюзюмова не видеть в положении раба, снабженного пекулием, «ни атома новых производственных отношений»¹⁴. На мой взгляд, не вызывает сомнений, что практика раздачи пекулиев не создавала феодальных отношений и при том положении не была в состоянии их создать, так как изменение в форме собственности на землю не наступало и пекулий полностью находился под властью рабовладельца¹⁵.

Совсем иное содержание и последствия имел второй процесс, кото-

⁹ Ср. в связи с пекулием распоряжения в *Did.*, XV, I и XXXIII, 7; М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии, стр. 165—191.

¹⁰ См. М. Я. Сюзюмов. К вопросу о феодализации Римской империи, стр. 54.

¹¹ Ср. по этому вопросу материал, собранный в статье А. П. К а ж д а н а «О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи», стр. 80 и сл.

¹² Ср. данные об этом у А. Рановича (А. Р а н о в и ч. Колонат в римском законодательстве II—V вв. «ВДИ», 1951, № 1, стр. 90 и сл.).

¹³ Ср. ясное указание на это в *Did.*, XV, 1, 4.

¹⁴ М. Я. Сюзюмов. К вопросу о феодализации Римской империи, стр. 55.

¹⁵ Следует отметить, что и имущество освобожденных рабов (*libertini*) не становилось их собственностью. Бывший господин сохранял значительные права на это имущество и мог при желании его отнять. О зависимом положении «вольнотпущенников» («освобожденных») и власти бывшего их господина на их земли красноречиво свидетельствуют законодательные распоряжения (ср. *Cod. Just.*, XI, 53, 1, 50, 2). Ср. и А. Р. К о р с у н с к и й. О положении рабов, вольнотпущенников и колонов в Западных провинциях Римской империи в IV—V вв., стр. 55—58.

рый развивался в недрах восточноримского общества в IV—VI вв. и представлял, как известно, непрерывный распад хозяйств свободного крестьянства. Часть этих крестьян, как явствует из юридических памятников, обрабатывала свои собственные хозяйства, тогда как другие ввиду отсутствия достаточного количества земли или инвентаря были арендаторами в имениях крупных землевладельцев. Но в силу ряда обстоятельств большое число свободных крестьян — мелких собственников и арендаторов — постепенно теряло свое имущество и попадало под власть крупных землевладельцев, до известной степени утрачивая и свою юридическую правоспособность и превращаясь в зависимых людей. В IV в. наиболее распространенным названием этой группы крестьян было слово «колон» (*colonus*), которое в I—III вв. обозначало еще свободного арендатора¹⁶.

Процесс разорения свободного крестьянства (общинников и арендаторов) и превращения отдельных лиц или жителей целых сел в колонов представлял собой, как известно, одно из характернейших явлений в социально-экономическом развитии ранней Византии. Из данных источников видно, что уже в IV в. этот процесс развивался очень интенсивно, получив в следующие два столетия еще больший размах. Одной из форм, способствовавших массовому переходу свободных крестьян в зависимое положение, были так называемые патронатные отношения¹⁷.

Разорение свободных крестьян и превращение их в колонов представляло собой процесс, существенно отличавшийся, по моему мнению, от процесса наделения рабов пекулием. При наделении рабов пекулием происходило прежде всего изменение экономических форм (крупное хозяйство раздроблялось на мелкие), принципиальных же сдвигов в социально-правовых отношениях не наблюдалось: раб оставался рабом, и собственности на землю сохранял господин. При превращении же свободных крестьян (общинников или арендаторов) в колонов основные перемены были юридического свойства. Экономическая форма оставалась та же: колонны, как и свободные общинники и арендаторы, продолжали располагать своим мелким хозяйством, которое служило для них и их семейств средством существования. Это мелкое хозяйство было выгодно для крупного землевладельца: оно служило ему источником ренты. Но менялось юридическое положение крестьян и прежде всего форма собственности на их земли.

Вопрос о собственности на земли колонов, бесспорно, является одним из сложных и трудных. Это связано с тем обстоятельством, что пути создания колоната были различными. В одних случаях, согласно источникам, попавшие под власть крупных землевладельцев колонны, обозначаемые термином «приписанных» (*adscriptii*), вообще не имели никакой собственности на свое имущество¹⁸.

¹⁶ В связи с происхождением и характером колоната и различных названий колонов ср. А. Ранович. Указ. соч., стр. 83 и сл.; А. Р. Корсунский. О колонате в Восточной Римской империи. «Византийский временник», IX, 1956, стр. 45—77; F. Ganshof. Le statut personnel des colons au Bas Empire. «L'antiquité classique», 14, 1946.

¹⁷ Ср. Cod. Theod., XI, 24, 1, 2, 3, 4, 5, 6; Cod. Just., XI, 54, 1, 2; Nov. Just., XVII, 13. Необходимо отметить то обстоятельство, что переход к патронату не всегда означал переход свободных крестьян вместе с их имуществом под власть крупных собственников. В некоторых случаях под патронат переходили зависимые крестьяне (колонны) и даже рабы, которые стремились таким образом переменить своего господина, отыскать, как им хотелось, человека, который бы лучше ими управлял или защищал от насилия со стороны администрации. Ср. о рабах (*domot*), которые пытались искать патрона, Cod. Just., XI, 54, 2.

¹⁸ Это имущество, как известно, считалось пекулием, и полную власть на него имел господин колона. Показательно в этом отношении известное распоряжение императоров Гонория и Аркадия (Cod. Just., XI, 50, 2. О запрещении «приписанным» отчуждать свои имущества без разрешения господина см. Cod. Theod., V, 19, 1). По отношению к «приписанным колонатам» крупный собственник имел *patroni sollicitudinem et domini potestatem*, и сами они считались по положению близкими к рабам.

Как известно, крупный землевладелец имел власть не только над имуществом «приписанного колона», но распространял ее и на личность колона. В результате этого последовали ограничения юридической правоспособности последнего. Наступало закрепощение¹⁹, которое налагало на колона обязательства платить в пользу господина оброки в натуре или деньгами и исполнять повинности. На этом вопросе мне нет необходимости останавливаться подробно, так как о нем написано достаточно много.

Не вполне ясен вопрос о происхождении «приписанных колонов», и здесь следовало бы, по моему мнению, проводить дальнейшие изыскания.

Однако необходимо отметить, что «приписанные колоны», хотя и не имели ни *dominium*, ни *possessio* на эти земли, все же получали известные владельческие права на них в силу того, что они вели хозяйство и что только благодаря их труду эти земли могли стать источником доходов. Их владельческое право выражалось в том, что колону разрешалось передавать по наследству, с завещанием или без него, обрабатываемое им хозяйство.

Вторую группу колонов, которая появилась в IV—VI вв. в результате разложения свободного крестьянства, составляли, как известно, так называемые свободные колоны (*coloni liberi*). Отличительным их признаком было то, что они хотя и находились под властью крупного землевладельца, как и «приписанные», но имели на свое имущество значительно большие права, чем последние. Формально они считались его владельцами, то есть обладали согласно установленной юридической терминологии *possessionem*²⁰. В то время как земли «приписанных» обозначались термином «*rescivium*», земли свободных колонов носили различные названия: «*terga*», «*pragta*». Поземельный налог, который государство требовало с этих земель, колоны, будучи их владельцами, должны были сами платить сборщикам, кроме того случая, когда их господин определенно не был обязан делать это от своего имени²¹. В отличие от «приписанных колонов», чьи имущественные приобретения, связанные с ведением хозяйства пекулия, также считались собственностью господина, свободные колоны становились владельцами всего того, что накапливали путем обработки своих имений. Об этом свидетельствует указанная выше новелла Юстиниана I от 539 года. В ней сказано, что «приобретенное (свободными колонами.— Д. А.) остается за ними и не превращается в пекулий господина»²².

Тот факт, что свободные колоны имели свою землю, вовсе не означал, что они не зависели от своего господина и не находились под его властью. Подобно «приписанным колонам», и свободные были обязаны платить оброки натурой и деньгами, выполнять различные повинности²³. Так же, как первые, они были прикреплены к земле. Об этом ясно свидетельствует новелла Юстиниана от 539 г.²⁴, в которой говорится, что свободные колоны (чье имущество не считалось пекулием, а оставалось за ними) все же не могли покидать села и должны были там заниматься

¹⁹ Прикреплению колонов к земле еще в IV в. содействовала своим законодательством центральная власть. Ср. *Cod. Theod.*, V, 17 (распоряжение Константина I от 332 г. Распоряжения о закрепощении были изданы в 371, 385, 392—395 гг.). Ср. *Cod. Just.*, XI, 53/52, 51/50, 52/51; А. Ранович. Указ. соч., стр. 88.

²⁰ Ср. например, *Cod. Just.*, XI, 48, 4 (распоряжение от 366 г.). В нем говорится, что те колоны, которые имеют владение на землю, сами платят налоги фиску (*sane quibus terrarum erit quantulumcumque possessio*). См. еще *Nov. Just.*, CXXVIII, § 14 (*propriam possessionem*).

²¹ *Cod. Just.*, XI, 48, 4; *Nov. Just.*, CXXVIII, § 14.

²² *Nov. Just.*, CLXII, § 2.

²³ Ср. в связи с этим А. Р. Корсунский. О колонате в Восточной Римской империи, стр. 65, 69. Возможно, как предполагает советский автор, обязанности свободных колонов были меньше, но об этом в источниках нет никаких данных.

²⁴ *Nov. Just.*, CLXII, § 2.

земледелием. Им не разрешалось переселяться в другие места; это они могли сделать лишь в том случае, если становились хозяевами собственного имущества, которое являлось бы для них достаточной опорой и не позволило бы им заниматься земледелием в другом месте. Эта возможность освобождения от крепостной зависимости, как правильно отмечает М. В. Левченко, была, однако, сравнительно редкой. Общей тенденцией властей было лишить колона права свободного передвижения и перемены места жительства²⁵.

Происхождение свободных колонов нуждается в более полном выяснении. Как видно, в большинстве своем они были бывшими свободными крестьянами-общинниками, которые попадали под власть крупного собственника различными путями и чаще всего посредством патроната. В отличие от «приписанных колонов», чья зависимость от крупного землевладельца возникла при условии отсутствия собственной земли или вообще какого-либо имущества, свободные колоны попадали в зависимость, имея собственную землю, то есть землю в их *dominium* и *possessio*. Превращаясь в зависимых людей, свободные колоны теряли эти полные собственнические права, и власть на их землю получал господин, хотя и не в таких размерах, какие он имел в отношении земель «приписанных колонов». Таким образом, создавалась своеобразная совместная «собственность» (верховная — крупного землевладельца и подчиненная — в форме владения свободного колона).

Теперь рассмотрим вопрос о том, как следует квалифицировать процесс разложения свободных крестьян (общинников и арендаторов) и превращения их в колонов со всеми притекавшими отсюда социальными и юридическими изменениями и главным образом в формах собственности. Нет сомнений, по-моему, что это было не что иное, как настоящий процесс феодализации. В положении «приписанного» и свободного колона имел место один существенный момент: они снабжались средствами производства и были обязаны платить своему господину ренту (в различных формах). Это делает их родственными появившимся позднее в Византии зависимым крестьянам (парикам), и я считаю, что аргументация Е. Э. Липшиц в этом смысле полностью основательна²⁶. Родство между колонами и париками выражалось и в том, что и те и другие были прикреплены к земле. Особенно близки парикам свободные колоны, которые, подобно им, имели значительные владельческие права на свои имущества. В появлении свободного колоната можно видеть, по моему мнению, ярчайший признак феодализации и восточноримского общества в IV—VI веках. Что касается «приписанных колонов», то они, сильно ограниченные в правах на свое имущество и обладавшие в принципе только пекулием (несмотря на известные исключения), приближались до известной степени к освобожденным рабам или же к рабам, снабженным пекулием. Так же как свободный колонат был ярким доказательством развития феодальных отношений в Восточной Римской империи, «приписанный колонат» свидетельствовал о том, что в этой империи все еще господствовали рабовладельческие формы, которые оказывали значительное влияние на положение непосредственного производителя.

Из сказанного можно заключить, что в IV—VI вв. восточноримское общество (ранневизантийское) не было ни чисто рабовладельческим, ни чисто феодальным. Здесь существовали еще рабовладельческие формы, и участие рабов (с пекулием и без него) в процессе производства было значительным. Вместе с тем в IV в. зародились и с течением времени все более укреплялись новые, раннефеодальные отношения, находившие выражение в создании колоната и особенно свободного колоната.

²⁵ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 23.

²⁶ Ср. Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии, стр. 53.

Мнения некоторых исследователей, что колонат есть не что иное, как «разновидность» рабства²⁷, или что он представляет «квазифеодальные отношения», по-моему, недостаточно обоснованы. Колонатные формы являются действительно феодальными формами, возникшими в недрах разлагавшегося рабовладельческого строя. Разумеется, очень трудно и даже почти невозможно было бы при существующем скудном материале и отсутствии статистических данных о соотношении между числом рабов и числом колонов ответить на вопрос, какие отношения — рабовладельческие или раннефеодальные — преобладали в Восточной Римской империи в IV—VI веках. Если судить по данным законодательных памятников, как и по другим источникам, можно заключить, что в некоторых областях империи рабовладельческий уклад проявлялся более отчетливо, тогда как в других утверждался уже феодальный строй. Но к этому необходимо добавить, что в тот период еще продолжали существовать и свободные крестьяне, общинники, которые не потеряли ни полную собственность на землю, ни юридическую правоспособность. Таким образом, в процессе феодализации в структуре восточноримского общества возникла большая пестрота и сложность.

Следует отметить и то обстоятельство, что господство рабовладельческого государства и его юридической надстройки серьезно препятствовало развитию раннефеодальных отношений.

Развитие раннефеодальных отношений в Восточной Римской империи в IV—VI вв. вело к обособлению и количественному увеличению мелких хозяйств и к росту крупного землевладения. Крупные имения светских и церковных собственников представляли по своей структуре, если исключим домениальную их часть, по существу, единый комплекс мелких хозяйств, подчиненных общему господину и обрабатываемых различными категориями производителей (освобожденными рабами, рабами с пекулием, «приписанными» или свободными колонами). Чем активнее проходил процесс феодализации, тем большее развитие получала крупная собственность. Увеличение этой собственности происходило в основном за счет земель свободных крестьян, которые разорялись и превращались в колонов крупного землевладельца.

Ряд важных и до известной степени еще не выясненных вопросов касается общественно-экономического развития Византии в VII—IX веках. Основным из них, по-моему, является следующий: к чему сводится глубокий перелом, совершившийся в византийском обществе в результате внутренних потрясений и ударов, нанесенных нашествиями «варваров» и главным образом славян? Что такой перелом имел место, видно из ряда фактов, и бесосновательны попытки отдельных буржуазных исследователей отрицать его²⁸. Он сводился прежде всего к значительным переменам в аграрных отношениях. Как указывают в своих исследованиях М. Я. Сюзюмов и А. П. Каждан, крупному землевладению, созданному в IV—VI вв., был нанесен серьезный удар²⁹. Большое число крупных имений было покинуто владельцами и населением вследствие вторжений славян и арабов; ряд земельных площадей, обрабатываемых интенсивно в предыдущие столетия, опустел. Об этом процессе имеются данные в Юстиниановском законодательстве, которое отражает самый ранний период, последовавший после нашествия славянских племен на Балканский полуостров³⁰. Эти сведения подтверждаются известиями

²⁷ М. Я. Сюзюмов. Некоторые проблемы истории Византии, стр. 100.

²⁸ Ср., например, исследование П. Лемерля (P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue historique». Т. 219, 1958, p. 74).

²⁹ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. «Ученые записки» Свердловского государственного педагогического института. Т. IV. 1948, стр. 56; А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VII—X вв. «Византийский временник», X, 1956, стр. 49.

³⁰ Nov. Just., 65 (от 538 г.).

житий, а также и некоторыми текстами «Земледельческого закона». Не без основания отмечает Е. Э. Липшиц, что частые упоминания в этом законе о гористых и местностях, населенных дикими зверями, о разработке заброшенных и заросших лесом участков путем применения так называемой огневой системы, об использовании целины для сева и т. д. свидетельствуют о наличии в VII и VIII вв. значительного числа оставленных и пустовавших земель, которые, как указывает источник, вновь должны были быть включены в обрабатываемые площади³¹. С этим, несомненно, связаны и неоднократные упоминания о «μεριδμος» в отдельных текстах «Земледельческого закона». Значение приведенного термина все еще вызывает споры³². По моему мнению, этот термин касается прежде всего факта распределения оставленной и необработанной земли между новыми переселенцами — славянами, пришедшими на территорию империи в VII в. и организованными в свои общины. Практика «мерисмос» была результатом огромного по своим размерам захвата новых земель, единого оссиратио, достигнутого с помощью коллективного труда общин и завершеного созданием мелких индивидуальных крестьянских хозяйств, в которых крестьянин получал права полного собственника. О наличии этих хозяйств ясно свидетельствует «Земледельческий закон». Соглашаясь с М. Я. Сюзюмовым³³, я считаю, что крестьяне («георгии»), о которых идет речь в законе, действительно были полными собственниками своих имуществ и, в этом смысле имели право их отчуждать, независимо от того, что последнее определенно законодательно не отмечено. Подтверждением также служит то, что они обозначаются не только термином «георгии», но и термином «χιριοι».

Хотя я присоединяюсь к мнению, что в результате внутренних потрясений и ударов славян и арабов крупное землевладение в Византии в VII—VIII вв. потерпело крушение и что вместо рабов и колонов на первый план выдвинулись свободные крестьяне, организованные в свои общины, я все же полагаю, что этот процесс не следует абсолютизировать до крайней степени. Нельзя забывать, что в отличие от Западной Римской империи, которая была полностью разрушена германскими племенами, Византия, несмотря на пережитые потрясения, сохранила часть своей территории почти нетронутой. Речь идет о некоторых областях в Малой Азии и на Балканском полуострове, куда не успели проникнуть ни арабы, ни славяне. Там осталось, хотя и в ограниченных размерах, крупное землевладение и сохранились крупные имения светских и церковных аристократов, обрабатываемые рабами и колонами. Значительные позиции в крупном землевладении продолжала сохранять церковь. Имеется достаточно сведений из источников, которые показы-

³¹ Ср. Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. «Византийский сборник». М. 1945, стр. 105.

³² Согласно М. Я. Сюзюмову (М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по «Земледельческому закону». «Византийский временник», X, 1958, стр. 39), практику «μεριδμος» следует связывать с системой «эпиболе». В этом смысле толкует он и известное «второе определение» византийского юриста Космы от X века. Однако система «эпиболе», как можно заключить из статей 17, 18, 19 и 21 «Земледельческого закона», не была уже в силе. Крестьяне могли, если пожелают, взять пустовавшую землю и обрабатывать ее, но не были обязаны делать это. Ср. по этому вопросу и статью А. П. Каждана (А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—IX вв. «Византийский временник», X, 1958, стр. 61 и сл.). Лемерль (P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire, p. 59) считает, что это касается распределения земли, оставленной после смерти или бегства собственника. Возможно, в некоторых случаях «μεριδμος» представляло именно такой раздел. Однако наиболее существенным содержанием «μεριδμος» было несомненно, распределение больших заброшенных площадей между сельскими общинами. В этом смысле склонен расширить и корректировать первоначальное свое мнение и М. Я. Сюзюмов (см. «Вопросы истории», 1959, № 3, стр. 104, прим. 15), когда признает все же, что в это понятие включается и практика системы «эпиболе».

³³ «Вопросы истории», 1959, № 3, стр. 104.

вают, что высшие духовные лица и монастыри, несмотря на пережитые потрясения, продолжали владеть в VII и особенно в VIII в. в большом количестве земель и другим имуществом. О духовных лицах и монахах, склонных к роскошной жизни, говорится, например, в постановлениях Трульского собора от 692 года. Данные о монастырях, которые имели много земли и собирали огромные запасы, содержатся в житийной литературе³⁴. О епископах, сосредоточивавших в своих руках много скота и превратившихся в настоящих торговцев, упоминается в сочинениях Иоанна Иерусалимского, одного из противников иконоборческой политики. Но и среди иконопочитателей были лица, имевшие большое количество земли. Так, например, патриарх Тарасий владел обширными имениями на берегах Босфора³⁵. Есть и другие сведения VII—VIII вв., которые свидетельствуют, что высший клир и часть монашества оставались крупными землевладельцами и богачами, чем вызывали ненависть своих врагов³⁶.

То обстоятельство, что крупное землевладение в VIII в. было значительно развито и его представителями являлись также церковь и монастыри, дает нам ключ для понимания сущности иконоборческого движения, а также и павликианства. У нас есть основание считать, что между феодальными формами, зародившимися в Восточной Римской империи (ранняя Византия) в IV—VI вв., и феодальными формами, о которых мы обнаруживаем уже более обширные данные в памятниках X—XI вв., имеется внутренняя преемственность. Несомненно, по этому вопросу следует произвести еще изыскания, ибо данные «Земледельческого закона», который отражает только одну часть аграрно-правовых отношений в византийском обществе (а именно отношения в свободной сельской общине), недостаточны.

Важным вопросом, который следовало бы еще исследовать, является вопрос о развитии византийских городов в VII—IX веках. Здесь, как и в крупном землевладении, наблюдался несомненный перелом, суть которого заключалась в том, что значительное число городов было полностью уничтожено, очень многие из них оказались разоренными во время бурных событий второй половины VI и VII века. На это обстоятельство было обращено основательное внимание главным образом в статье А. П. Каждана «Византийские города в VII—IX вв.». Автор при исследовании вопроса привлек и систематизировал богатый материал и прежде всего данные нумизматического характера³⁷. Об этом сказано и в общей статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана, поставленной на дискуссию³⁸. Действительно, сведения источников VII—VIII вв. говорят о значительном упадке городской жизни империи. Так, из документальных

³⁴ Ср., например, такие данные в житии Давида, Симеона и Георгия, трех братьев из Милитены (на острове Лесбос), живших в VIII веке. См. А. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М. 1917, стр. 196.

³⁵ Ср. М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов. «Византийский временник», XI, 1958, стр. 64.

³⁶ Высказанный В. Васильевским тезис (см. «Материалы для истории Византийского государства». «Журнал министерства народного просвещения», Ч. ССII, март 1879, стр. 169), что к началу иконоборческого периода церковь в Византии держала под своей властью не менее $\frac{1}{2}$ всей территории империи, преувеличен и не может быть доказан документальными данными. Преувеличены и взгляды К. Н. Успенского по этому вопросу. Ср. критику его взглядов М. Я. Сюзюмовым (М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества, стр. 78 и сл.) и М. В. Левченко (М. В. Левченко. Церковные имущества V—VII вв. в Восточноримской империи. «Византийский временник», II, 1949, стр. 18 и сл.). В иную крайность впадает, по моему, М. Я. Сюзюмов, который, исходя из общей правильной установки о разгроме крупного землевладения в VII—VIII вв., умалет наличие и значение церковного поземельного имущества в этот период. Ср. в связи с этим критические замечания М. А. Заборова («Византийский временник», IV, 1951, стр. 197).

³⁷ «Советская археология», 1954, XXI, стр. 164—188.

³⁸ «Вопросы истории», 1958, № 10, стр. 88.

данных, а также и из археологических находок видно, что полное разрушение или глубокий экономический упадок испытали главным образом те города на территории Византии, которые были затронуты нашествием внешних врагов — аваров, протоболгар, славян, арабов. Это были в первую очередь города в Мизии (нынешняя Северная Болгария), такие, как Рациария, Цебрус, Нове, Абрит, Ульметум, Томи и др., тяжело пострадавшие от нашествия славян и аваров во второй половине VI века³⁹. В результате нашествия славян пришел в упадок ряд городов в Македонии и Греции, такие, как Стоби, Олинф, Новый Анхиал, Коринф. Упадок испытали и некоторые города во Фракии, например Верея (ныне Стара Загора), которая, видимо, была разрушена славянами же и восстановлена в конце VIII в. по постановлению императрицы Ирины⁴⁰. В статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана, по моему мнению, недостаточно учитывается «внешний удар» как причина деградации городской жизни Византийской империи в VII—VIII веках. Авторы делают упор только на один момент, а именно на кризис рабовладельческого способа производства, который вызвал лишь уменьшение товарности хозяйства и привел к аграризации городов. Несомненно, этот фактор сыграл значительную роль, но он не был единственным и решающим. Города на Балканском полуострове, являвшиеся объектом вражеских нашествий, в значительной мере пришли в упадок. В то же время Царьград и Солунь, которые не были захвачены и ограблены «варварами» в VII—VIII вв., продолжали свое развитие как важные экономические центры⁴¹. Это свидетельствует о том, что значение внешнеполитических событий в судьбе византийского города рассматриваемого периода нельзя игнорировать. В этом отношении я полностью разделяю высказанные М. Я. Сюзюмовым критические замечания и соображения⁴².

То обстоятельство, что и после нашествия «варваров» и внутренних потрясений некоторые города в Византии (в балканских владениях и в Малой Азии) продолжали существовать как центры развития ремесел и торговли, говорит о том, что между античным полисом и византийским городом существовала преемственность. В этом отношении основательны, на мой взгляд, замечания М. Я. Сюзюмова, которые он делает по статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана⁴³. Но тот факт, что и античный и византийский полисы были центрами товарного производства, экономической жизни, отличавшейся от экономической жизни в селах, не дает нам оснований находить полное сходство между ними. Нельзя забывать, что в общественно-экономическом развитии Византии в VII—VIII вв. наступил глубокий перелом и что если в IV—VI вв. преобладали рабовладельческие и колонатные формы, то в Византийской империи в рассматриваемый период господствовали свободная сельская община и свободный крестьянин. Это нашло отражение и в социальной структуре города и в устройстве и роли в нем ремесленных и торговых корпораций (цехов). Если в ранневизантийских корпорациях существовал режим закрепощения и сын должен был наследовать профессию отца, в цехах IX—X вв., о которых идет речь в «Книге епарха», эта обязанность была уже отменена. Никто не был принуждаем силой вступать в ту или иную корпорацию только потому, что и его отец был ее членом. Более того, доступ в корпорации был достаточно труден в связи с суще-

³⁹ Больше всего данных об этом находим в истории Феофилакта Симокатты.

⁴⁰ Ср. Theoph. Chron., I, 457, ed. de Boor.

⁴¹ Об экономическом развитии Солуни ср. Р. А. Наследова. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты. «Византийский временник», VIII, 1956, стр. 61—85. Об экономике византийских городов в рассматриваемый период ср. Е. Э. Липшица. К вопросу о городе в Византии VIII—IX вв. «Византийский временник», VI, 1953, стр. 113—132.

⁴² «Вопросы истории», 1959, № 3, стр. 112.

⁴³ «Вопросы истории», 1959, № 3, стр. 111 и сл.; А. П. Каждан. Роль городов-эмпориев в истории Византии. «Византийский временник», VIII, 1956, стр. 26—41.

ствовавшей системой приемных испытаний и необходимостью уплаты высокой вступительной таксы⁴⁴. В какое время произошли эти изменения, нельзя сказать определенно из-за отсутствия прямых данных, относящихся к периоду от VII до X века. Однако можно предположить, что это смягчение режима цехов наступило еще в VII в. в связи с возрождением свободных сельских общин и увеличением количества свободных крестьян⁴⁵. Последнее обстоятельство давало возможность большому числу крестьян оставлять свои земли и уходить в города, где они могли заниматься ремеслом или торговлей. Особенно усилился приток крестьян в город тогда, когда начался процесс расхождения сельских общин и появились малоимущие или совсем обезземеленные лица. О наличии этого процесса свидетельствует «Земледельческий закон». Прилив сельского населения в города увеличил число рабочих рук и устранил необходимость закрепления ремесленников и торговцев в корпорациях, практиковавшееся в IV—VI веках. Такие глубокие изменения, происшедшие в селе, нашли свое отражение и в социальной структуре городов и цехов. Это обстоятельство надо иметь в виду, когда речь идет о преемственности между античным полисом и византийским городом IX—X вв., чтобы не создалось одностороннее представление о том, что между ними во всех отношениях существовало сходство⁴⁶.

Ряд интересных дискуссионных вопросов, затронутых частично в статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана, касается последнего периода истории Византии (от 1204 до 1453 г.). Это было время, когда феодальные отношения находились в расцвете. Последние изыскания исследователей социалистических стран неоспоримо доказали, что одним из наиболее характерных признаков поздневизантийского феодализма была необычайная концентрация земли в руках небольшого числа крупных собственников⁴⁷, что значительное развитие в XIII—XV вв. получили иммунитеты (финансово-административные и судебные), благодаря которым феодальный класс смог обеспечить в целом получение ренты с зависимого населения и установить над ним полную власть. В противовес мнениям буржуазных ученых, согласно которым под понятием «иммунитет» подразумевается прежде всего «изъятие» крупного имения из-под контроля органов центральной администрации, исследователями социалистических стран на первый план был поставлен и на основе конкретного материала доказан тезис, что иммунитет означает главным образом (хотя и не единственно) власть феодала над зависимыми людьми⁴⁸.

⁴⁴ На это обстоятельство обращает внимание А. Штекле (A. Stöckle. Spätromische und byzantinische Zünfte. Leipzig. 1911, S. 55). Ср. А. П. Каждан. Цехи и государственные мастерские в Константинополе, IX—X вв. «Византийский временник», VI, 1953, стр. 140 и сл.

⁴⁵ Ср. Д. Ангелов. История на Византия. Ч. I. София. 1950, стр. 327.

⁴⁶ Важные изменения произошли, как известно, и в городской администрации в VII—IX веках. Если в предыдущую эпоху ряд городов пользовался значительным самоуправлением, осуществляемым, с одной стороны, через городские советы (curiae) и с другой — через епископов, то в рассматриваемый период это самоуправление начало непрерывно приходить в упадок. Это объяснялось главным образом проведением административно-военных преобразований (создание фемной организации и стратиотского института). В X в. городское самоуправление античного типа было окончательно ликвидировано двумя новеллами Льва VI (886—912). Ср. в связи с отдельными этапами этого развития F. Dölger. Die frühbyzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt. «Atti del 3° Congresso internazionale di studi sullo alto medievale». Spoleto. 1958, S. 13. Следует отметить, что этот вопрос в целом все еще не выяснен до конца и необходимо полное и дифференцированное рассмотрение судьбы городов в отдельных областях империи.

⁴⁷ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. «Byzantino — slavica», II, 2, 1948; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М. 1952; Д. Ангелов. Принос към поземелните отношения във Византия през XIII в. «Годишник на Софийския университет», 1952, кн. 2; Б. Горянов. Феодальное землевладение в Византии в XIII—XIV вв. «Византийский временник», X, 1956.

⁴⁸ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 95 и сл.; об иммунитете в поздней Византии см. также Б. Горянов. Поздневизантийский

Исследования сущности поздневизантийского феодализма уточнили наши представления о феодальной собственности на землю и положении париков, как основной категории зависимого населения. Подтверждено было мнение, что в условиях феодального способа производства основная цель феодала состояла в эксплуатации крестьян, снабженных землей, независимо от того, были ли права их на эту землю в большей или в меньшей степени ограничены. Подобно восточноримским колонам, византийские парики владели своими участками земли, имели небольшие, обрабатываемые ими самостоятельно хозяйства, располагали *de facto* парцеллой и передавали ее по наследству своим сыновьям. Верховную же собственность на землю, однако, имел господин. Как известно, по мере концентрации поземельной собственности в руках феодалов и укрепления иммунитета усиливалась тенденция к ограничению прав париков и все сильнее ощущалась власть господина. В начале XIV в. (согласно закону Андроника II от 1306 г.) феодал уже имел право брать себе часть имущества крестьянина, умершего и не оставившего наследников. Это — известное право авиотикий⁴⁹. Усилившаяся в XIII—XV вв. власть феодалов нашла выражение и во все большем распространении крепостничества.

Одной из интересных проблем, по которой следовало бы еще вести изыскания, является вопрос о том, до какой степени развитие поздневизантийского феодализма шло параллельно с развитием феодальных отношений в двух наибольших в то время славянских государствах на Балканском полуострове — Болгарии и Сербии. Последние работы по этому вопросу показывают, что и в этих странах в XIII—XV вв. феодализм был в состоянии своего расцвета, и в ряде отношений его формы были родственны или даже одинаковы с соответствующими формами феодализма в Византии. Как в Византии, так и в средневековой Болгарии и Сербии феодальное имение в XIII—XV вв. было вовлечено в значительной степени в развившиеся тогда уже достаточно сильно товарно-денежные отношения, и это нашло отражение в характере феодальной ренты. Налицо была тенденция все больше расширять денежную ренту. Одновременно прокладывала себе дорогу и другая тенденция — усиление барщины, то есть один из наиболее грубых способов увеличения общего объема продукции, необходимой феодалу в его товарообменной деятельности. Эти тенденции проявились особенно ярко в Сербии и в македонских землях в XIV в. прежде всего в силу того обстоятельства, что в то время в Сербском государстве (в которое входили и македонские области) получила значительное развитие и внутренняя и внешняя торговля⁵⁰.

В XIII—XV вв. Византия была страной зрелого феодализма. Почти на том же уровне развития находились в то время и другие балканские государства. Однако в них наблюдались явления, противоречившие до известной степени существу феодальных отношений. Речь идет об элементах, которые свидетельствуют о разложении феодального строя и о созревании предпосылок раннекапиталистических форм производства. Такие элементы были налицо прежде всего в византийском селе, в котором происходило значительное расслоение сельского населения и увеличение числа малоимущих или совсем обезземеленных крестьян. Данные об этом содержатся главным образом в документах, относящихся к землям Южной Македонии, в районе реки Струмы. Как было показано в работе А. П. Каждана, почти одна треть жителей тамошних сел была неиму-

имунитет. «Византийский временник», XI, 1956, стр. 177—199; XII, 1957, стр. 97—117; Г. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. «Византийский временник», XIII, 1958, стр. 55—107.

⁴⁹ Ср. об этом термине А. Соловьев, В. Мошин. Грчке повеље српских владара. Београд. 1936, стр. 377.

⁵⁰ Д. Ангелов. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV в. София. 1958, стр. 164 и сл.

шей, тогда как лишь незначительное число обладало большим количеством земли и рабочего скота⁵¹. Важный и еще не использованный материал в этом отношении представляют данные из практики монастыря Иберон в XIV веке. Они подтверждают заключение, что имущественное расслоение среди крестьян этой области было очень глубоким. Тенденция состояла в дальнейшем уменьшении мелких по размерам хозяйств и в обеднении обрабатывавших их крестьян⁵².

Расслоение византийского крестьянства служило предпосылкой созревания раннекапиталистических форм производства в византийском селе и возникновения предпринимательского хозяйства. О таких хозяйствах имеются некоторые сведения в источниках XIII—XV вв., и на этот вопрос обращено внимание в статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана⁵³. Необходимо отметить, однако, что эти данные все еще недостаточны и на их основе нельзя делать вполне обоснованные обобщения. Если судить по наличному документальному материалу, то все же можно заключить, что в рассматриваемый период тенденции к разложению в византийском феодализме были еще слабы. Крупное феодальное имение светских и церковных господ приспособлялось к растущим потребностям появлявшихся товарно-денежных отношений не столько путем использования раннекапиталистических форм производства и эксплуатации, сколько путем усиления феодального гнета. Феодал, чтобы получить больше продукции, которую он вывозил на рынок, увеличивал оброк натурой, а также и барщину. Эти тенденции возвращения к более старым формам эксплуатации приводили к тому, что значительная часть безземельных или малоимущих крестьян, не имевшая никакой возможности стать в городах наемными работниками (так как в то время отсутствовали еще необходимые условия для обычной продажи рабочей силы), получала снова надел из доменной земли какого-либо феодального собственника и оставалась там в качестве крепостного⁵⁴.

В заключение следует сказать, что над изучением социально-экономического развития Византийской империи необходимо много работать и впредь. Ряд проблем еще недостаточно выяснен и нуждается в более глубоком и дифференцированном исследовании. Так обстоит дело, например, с вопросом о формах и характере классовой борьбы, которому в статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана отведено сравнительно небольшое место. Было бы важно полнее осветить роль и значение различных видов еретических учений и движений, и в первую очередь павликианства и богомилства. Заслуживает внимания также более обстоятельное рассмотрение идеологии господствующих классов, которая была серьезным оружием для осуществления их целей. Следует вести изучение судьбы поздне-римского полиса и развития византийских городов. Не полностью выяснена и картина развития аграрных отношений. Анализ этих вопросов даст возможность составить очерк, в котором будет отражена целостная периодизация развития Византии, сделанная на научной основе.

⁵¹ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии, стр. 165 и сл. Ср. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 253 и сл. Необходимо отметить то, что расслоение среди крестьянства в этот период наступило и в Сербии и в находящихся под ее властью македонских землях. Д. Ангелов. Аграрные отношения в Северна и Средна Македония през XIV в., стр. 98 и сл.

⁵² Ценные данные в этом смысле находим о ряде семейств в селе Мелинция, как, например, семействах Михаила Цакона и его сыновей, Льва Цукала, Стаматика и др. Ср. F. Dölger. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon. München, 1948.

⁵³ «Вопросы истории», 1958, № 10, стр. 96, ср. А. П. Каждан, Г. Г. Литавин. Очерки истории Византии и южных славян. М. 1958, стр. 241 и сл.

⁵⁴ Это были так называемые *ελευεροι* или *σευοι*, о которых часто идет речь в источниках XIII—XV веков.